

04.12.23

ДОКТРИНА ПРОТИВ ВМЕШАТЕЛЬСТВА? К 200-ЛЕТИЮ ПОСЛАНИЯ ДЖЕЙМСА МОНРО

Раздел, посвящённый Латинской Америке и Карибскому бассейну, действующей Стратегии национальной безопасности США содержит обещание американской помощи странам региона в противодействии иностранному вмешательству. Такое положение в программном документе Вашингтона вызывает стойкое ощущение *dij vi*. За два столетия до байденовской администрации 2 декабря 1823 г. пятый президент Соединённых Штатов Джеймс Монро в послании Конгрессу заявил, что США не смогли бы равнодушно отнестись к попыткам европейских держав распространить свою политическую систему на страны Западного полушария.

Этот демарш вошёл в историю как ранний случай осуждения на государственном уровне практики иностранного вмешательства во внутренние дела. Он прозвучал в период господства в Европе принципа легитимизма, обосновывавшего интервенции для подавления революционных выступлений против монархических правителей. Неудивительно, что претензии молодой американской республики вызвали возмущение в зарубежных столицах. Так, российский император Александр I заключил, что в послании Монро «излагаются настолько необоснованные взгляды и претензии, выдвигаются принципы, настолько противоречащие правам европейских держав, что она заслуживает самого глубокого презрения».

Тем не менее выдвинутые президентом США положения не были подвергнуты забвению. Впоследствии они стали одной из опор американской внешнеполитической идеологии. Послание даёт редкий пример документа двухсотлетней давности, к которому продолжают обращаться при обсуждении актуальной международно-политической повестки. Вместе с тем сложившийся миф о «доктрине Монро» скрывает глубокие противоречия и вопиющую непоследовательность в практике обращения к ней руководства США. В том числе в ней отражается двойственное отношение Вашингтона к проблеме вмешательства во внутренние дела.

Риторика воображаемых угроз

Американская политическая мысль с создания США грезил о собственной сфере влияния, недоступной для европейских держав. Из этой мечты родилась концепция «двух систем», вычленявшая американские континенты из остального мира. Ещё один из отцов-основателей Соединённых Штатов Томас Джефферсон утверждал: «Америка имеет для себя полушарие. Она должна иметь свою отдельную систему интересов, которые не должны быть подчинены интересам Европы». В первой четверти XIX в. подобные амбиции оставались на уровне прожектов – большая часть Западного полушария находилась в прямом владении европейских держав.

На этом фоне непосредственным поводом для предостережения Монро стали

опасения относительно возможной интервенции государств Священного Союза (в первую очередь Франции) для возвращения Испании её бывших колоний. Последние с начала 1810-х гг. боролись за независимость от европейской метрополии, которая сама стала жертвой наполеоновского вторжения. В 1822 г. после длительных внутренних дебатов США признали самостоятельность Великой Колумбии, Ла-Платы, Мексики, Перу, Чили, установив с ними дипломатические отношения.

За год до этого французские войска вернули династию Бурбонов на испанский престол. Подобный успех породил опасения, что Париж перенесёт интервенционистские действия в Западное полушарие под знаменем легитимизма. В таком контексте послание Монро звучало как смелый, даже самоуверенный вызов молодого американского государства господствовавшей в европейской системе международных отношений норме. Несостоявшаяся французская интервенция позволила президенту США спустя год заявить, что монархические державы «повидимому признали» обоснованность американских притязаний.

В действительности в европейских столицах гипотетические планы возвращения Мадриду его заморских владений изначально не вызывали энтузиазма. Окончательно похоронила их негативная позиция Британии, чей могущественный флот серьёзно осложнил бы любую экспедиционную акцию в Западном полушарии. Государственный секретарь США Джон Куинси Адамс был осведомлён об этих обстоятельствах и отсутствии реальной угрозы интервенции. Тем не менее именно он настоял на включении в президентское послание предупреждения против неё.

Для реального противодействия политике великих держав у США в то время не было ни сил, ни политической воли. Но иллюзорность опасности позволяла Вашингтону имитировать демонстрацию решимости. Таким образом, предпринятый демарш был не просто дипломатическим блефом, а продуманной пиар акцией. При этом члены американской администрации, прорабатывая текст послания, отнюдь не рассматривали его как акт исторического значения. Как впоследствии признавал Джон Калхун, занимавший пост военного министра в кабинете Монро, предостережение от европейского вмешательства в дела Западного полушария определялось обстоятельствами конкретной политической ситуации.

Доктрина? Не слышали

Важной особенностью послания Монро был его заведомо односторонний характер. В процессе подготовки документа президент США активно консультировался с членами кабинета, а также со своими предшественниками – Томасом Джефферсоном и Джеймсом Мэдисоном. Вместе с тем ему даже не приходила в голову необходимость согласовать планируемый демарш с представителями тех государств, против вмешательства в дела которых он столь решительно выступал. Целевой аудиторией Монро были европейские державы, а позиция соседей по Западному полушарию его не интересовала.

Тем не менее в Латинской Америке его послание вызвало горячий энтузиазм. Бразилия и Великая Колумбия обратились к Вашингтону в надежде заключить оборонительные альянсы на случай европейских интервенций. Соединённые Штаты ничтоже сумняшеся объявили их представителям, что не планируют связывать себя союзническими договорами и не предоставляют гарантий безопасности. Проявлением



растущего разочарования стало заявление президента Мексики Гуадалупе Виктория в 1826 г., что нынешняя администрация США отреклась от обещаний данных Монро. Впоследствии в американских дискуссиях не раз повторялась мысль, что «доктрина Монро» – это обязательство Соединённых Штатов перед самими собой, а не перед кем-то ещё.

На практике США крайне избирательно претворяли выдвинутые в 1823 г. принципы. Так, в 1833 г. они никак не отреагировали на британскую аннексию Фолклендских (Мальвинских) островов, на которые претендовала Аргентина. Они также долгое время не противодействовали укреплению позиций Лондона в Центральной Америке, в частности на Москитовом берегу. Более того, до конца 1830-х гг. послание Монро в принципе выпало из общественных дискуссий. Рост интереса к нему наметился только в правление президента Джеймса Полка, по совпадению тезки пятого президента США.

Даже после этого Вашингтон зачастую предпочитал не педалировать обращение к принципу «двух систем» и «доктрине Монро» во взаимодействии с европейскими державами, чтобы не провоцировать их раздражение. Показательна в этом отношении реакция США на французскую интервенцию в Мексику в 1861–1867 гг. Она стала наиболее масштабной попыткой европейского вмешательства во внутренние дела независимого латиноамериканского государства в истории – Париж постарался силой установить в стране монархию во главе с Максимилианом Габсбургом.

Эти планы вызвали ожидаемое недовольство США, но их способность противодействовать французской политике осложняла продолжавшаяся Гражданская война. После её окончания США усилили давление на Париж, не используя при этом отсылки к посланию Монро и принципиальному неприятию европейского интервенционизма в Западном полушарии. Аргументация Вашингтона строилась на негативном отношении американского общества к монархической системе правления. В итоге Франция отказалась от своих замыслов не столько из-за критики США, сколько из-за недостижимости изначальных целей и растущей цены кампании.

Это вмешательство, кого надо вмешательство

Изначальная формулировка послания Монро предполагала только оборонительное противодействие европейскому интервенционизму. С тем, что она не даёт оснований Вашингтону самому вмешиваться во внутреннюю политику соседей, соглашался даже столь откровенный сторонник американского доминирования рубежа XIX–XX вв., как госсекретарь Роберт Олни, утверждавший, что США – фактический суверен в Западном полушарии, и «их указания – закон для субъектов, которым они навязывают свое посредничество».

Тем не менее предупреждение европейских интервенций со временем эволюционировало в оправдание превентивного вмешательства. Впервые подобную взаимосвязь установил президент Полк. В 1848 г. правительство Республики Юкатан, боровшейся за независимость от Мексики, направило Британии, Испании и США просьбу принять её под свою защиту. Полк обратился к американским законодателям с предостережением о возможном вовлечении европейских держав и предложением присоединить мятежную мексиканскую провинцию. Однако Сенат, отказавшись



разрывать только подписанный мир с Мексикой, отверг эту инициативу.

Вместе с тем США и ранее демонстрировали ориентацию на наступательный курс и последовательное расширение географии внешнеполитической деятельности. После Гражданской войны 1861–1865 гг. их активность в Латинской Америке ещё более возросла – общее число силовых акций, предпринятых Вашингтоном в регионе в промежутке между 1869 и 1896 гг., превысило 6 тыс. Потребность США в идейном обосновании интервенционистской политики очевидно повышалась по мере возрастания американского военного и экономического потенциала.

Апелляция к риску расширения европейского присутствия в Западном полушарии создала предпосылки к увязыванию такого оправдания с «доктриной Монро». Непосредственный повод его оформлению дал венесуэльский кризис 1902–1903 гг., в ходе которого Британия, Германия и Италия добивались от правительства в Каракасе выплаты просроченных долгов. В качестве акции устрашения их военно-морские силы осуществили блокирование и бомбардировку портов латиноамериканской страны. США принудили европейские державы согласиться на международный арбитраж имевшихся споров.

Однако арбитраж не только поддержал финансовые требования кредиторов к Венесуэле, но и присудил приоритетные права компенсации представителям государств, принимавших участие в силовой операции. С точки зрения Вашингтона это решение создало опасный прецедент – в аналогичных разбирательствах у европейских держав появлялся стимул проводить военные акции против стран Западного полушария с тем, чтобы подкрепить свои претензии. Такого рода логика повышала риски расширения их интервенционизма, тем более что к началу XX в. финансовые проблемы многих правительств Латинской Америки приняли системный характер.

В ответ на эти опасения в 1904 г. Т. Рузвельт в послании Конгрессу заявил: «Хронические проступки или беспомощность, ведущие к общему ослаблению связей цивилизованного общества, могут в Америке, как и в других частях мира, в конечном счёте потребовать вмешательства какой-либо цивилизованной нации, и в Западном полушарии приверженность Соединенных Штатов “доктрине Монро” может принудить США, пусть неохотно, в вопиющих случаях таких проступков или беспомощности к осуществлению международной полицейской функции».

За жеманными оговорками о нежелании брать на себя бремя и экстраординарности возможных вмешательств «следствие Рузвельта» скрывает выдающуюся по своим масштабам инверсию – изначальный антиинтервенционистский пафос послания 1823 г. был реинтерпретирован как обоснование империалистической политики. Впрочем, как и в противодействии акциям европейских держав в Западном полушарии, при проведении собственных интервенций Вашингтон крайне ограниченно опирался на «доктрину Монро» в её обновлённой наступательной версии. Как рост неприятия этого конструкта в Латинской Америке, так и внутривнутриполитические соображения всё более удерживали США от обращения к нему.

Более того, к началу XX в. США уже вышли в своей международной деятельности далеко за границы Западного полушария. Потому отсылка к логике «двух систем», просматриваемая в аргументации Рузвельта, выглядела как анахронизм по



отношению к масштабам задач внешней политики Вашингтона.

Опыт «доктрины Монро» демонстрирует пластичность внешнеполитической риторики США. В ней сочетается обращение к давно зарекомендовавшим себя принципам с навыком наделять их качественно новыми, порой обратными прежним смыслами. Неудивительно, что после многочисленных усилий по релятивизации суверенитета на протяжении 1990-х – 2000-х гг., Вашингтон вновь обратился к дискурсу противодействия вмешательству реальному или предполагаемому. При этом, обвиняя своих оппонентов в проведении интервенционистских стратегий, Соединённые Штаты не отказываются от курса на распространение собственных ценностей и институтов.

Показателен, в частности, бюджетный запрос Агентства по международному развитию США на 2024 финансовый год, предполагающий выделение 2,8 млрд долларов на задачи продвижения демократии и борьбы с коррупцией. Применительно к Западному полушарию его обоснование включает, например, проекты в Венесуэле, направленные на «усиление способности разнообразных демократических сил реализовывать своё право на свободу слова, собраний и защиту демократических принципов». Учитывая характер отношений между Вашингтоном и Каракасом, подобная деятельность не может не рассматриваться последним как содействие антиправительственным силам.

Как и ранее США не видят противоречий между обращением к принципу невмешательства и собственными попытками форматирования политических систем других государств.

Впервые опубликовано Российским советом по международным делам: Истомин И. А. Доктрина против вмешательства? К 200-летию послания Джеймса Монро. РСМД. 04.12.2023. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/doktrina-protiv-vmeshatelstva-k-200-letiyu-poslaniya-dzheymsa-monro/>

Источник: [Доктрина против вмешательства? К 200-летию послания Джеймса Монро](#)



ОБ АВТОРЕ



Игорь Истомир

Старший эксперт

Местоположение: Москва, Россия

Сфера компетенций: США, ЕС, прогнозирование

Область экспертизы: Специализируется на анализе внешней политики США и трансатлантических отношений. Принимает участие в разработке методологии анализа внешней политики. Эксперт в области научного обеспечения внешней политики и принятия внешнеполитических решений.

Профессиональный опыт: Доцент Кафедры прикладного анализа международных проблем и старший научный сотрудник Лаборатории анализа международных процессов МГИМО МИД России. Редактор журнала "Международные процессы".

